

№ 91 Седмица

Для духовных размышлений на предстоящую неделю

Фома «неверующий»

Главная пасхальная неделя - Светлая седмица - уже позади. Но праздник Воскресения Христова продолжится аж до 12 июня. Так что, повод всегда есть. И Богослужения православной Церкви продолжают воспевать Воскресшего Христа со всей торжественностью. А нынешнее воскресенье посвящено памяти апостола Фомы. Это тот самый «неверующий» Фома, который говорил, что до тех пор, пока не пощупаю руки живого Иисуса, пробитые гвоздями, и не прикоснусь к ребру, пронзенному копьем, не поверю, что Христос воскрес.

Фома, в общем, довольно симпатичный апостол, во-первых, преданный Христу. Именно он перед арестом Иисуса призывал других учеников: пойдём и мы умрём с Ним. Во-вторых, человек здравомыслящий, обладающий критическим умом. Мало ли что говорят - воскрес. Разве всему можно верить? Где видано, чтобы кто-либо поднялся из гроба? Представляете, если мы с Вами начнём верить всему, о чем вокруг говорят люди? Наверное, тогда наша голова, поначалу, превратится в мусорный ящик, а потом, попросту, разорвется от переполненности всякой дрянью.

И, тем не менее, Иисус после всего заметил Фоме: «Ты поверил, потому что увидел Меня; блаженны не видевшие - и уверовавшие...» Почему так сказал Иисус? Не проще ли никому и ничему не верить. Ведь вокруг нас столько лжи. Нам лгут со школьной скамьи, преподавая фальшивую историю. Нам лгут с экранов телевизоров. Полосы газет испещрены небывшими, нас обманывают коллеги по работе, друзья. Муж лжёт жене, а жена - мужу. Не проще ли и не блаженнее - вообще никому не верить?

Большинство верующих людей отягчено множеством предрассудков и суеверий, и на фоне легковерных простачков гораздо респектабельнее выглядит скептик, подвергающийся сомнению, казалось, элементарные вещи. Циники, они ведь никогда не ошибаются. У них не бывает разочарований.

Но циник - всегда бесплоден. Циник никогда не добьётся никакого результата в жизни. Потому что он не способен **верить** в этот результат. Да, это действительно верно - если у вас нет собаки, её не отравит сосед. Если у вас нет дома, он не сгорит. А если вы не родились, то вам и не умирать. Но разве не

лучше хотя бы до двадцати или до сорока лет пожить, чем вообще не вкушать радости бытия? Тем более, что, как говаривал Фёдор Михайлович, порядочные люди - больше сорока не живут. *О.Иоанн*: «Мне вон уже 52, и никакая хвороба не берет».

Верующий простачок будет верить и в то, что достойно веры, и в то, во что образованному человеку верить непристойно. Но фокус вот в чём. Верующий верит, в том числе, и в глупости и, предположим, дурь эта в его голове составляет 90 %. Но 10 % его веры - это ведь то, что жизненно важно, без чего жизнь теряет весь смысл.

А скептик - он такой умный до невозможности. Ни во что не верит, в том числе и в то, что одухотворяет жизнь, делает её настоящей, прекрасной. Поэтому, наверное, Иисус и произнес эти замечательные слова: «Блаженны не видевшие - и уверовавшие...»

Влияние церковной формы на содержание нашей религиозности.

Форма и содержание религиозной жизни - уже давняя тема наших недельных размышлений. Мы неоднократно подчеркивали с Вами, что формы выражения нашей религиозности многообразны и относительно. Каждая поместная Церковь имеет сугубо свои традиции и обряды, которые могут быть совершенно не похожи на фольклор соседней Церкви. И это нормально, потому что формы выражения во многом зависят от культуры, темперамента и менталитета лиц, составляющих ту или иную Церковь.

Формы выражения это всего лишь средства. Объясниться в любви, например, можно, как угодно. Написать письмо на бумаге или нацарапать на стене крупными буквами: «Миша + Маша = любовь», написать СМС-ку или электронное письмо. Если для тебя жизненно важно - любит ли тебя объект твоих воздыханий, то тебя устроит любой знак, свидетельствующий о том, что твои чувства не безответны. Это может быть красноречивый влюбленный взгляд, прикосновение, поцелуй. Какая разница, на каком языке тебе отвечает любимая - на русском - я тебя люблю, английском - I love you, или украинском - я тебе кохаю.

И прославлять Бога можно по-разному. И древним знаменным распевом, и партесным, и на коленях, и с барабанами, и вприпрыжку, и овациями. Главное - и мы это подчеркивали с Вами - содержание. Принципиально важно не **как** человек выражает, а то, **что** - не форма, а содержание.

И, тем не менее, здесь нельзя впадать в крайности. Вне всякого сомнения, форма - не главное, но сказать, что форма вообще не имеет никакого значения - будет ошибочным. Одно дело, когда то же объяснение в любви выглядит красиво - влюбленный сочиняет стих или песню, пишет пространное письмо и красноречиво изливает свои чувства, и другое - новый молодёжный примитив: «Люблю тебя в натуре, сечёшь?»

В протестантских церквях принято исполнять песни прославления на мотивы современной эстрады. Сказать, что это кошмар, ужасно, грешно - нельзя. Но и положительно квалифицировать это тоже, по всей видимости, будет неправильным. По двум причинам. Во-первых, происходит примитивизация богослужения, его обеднение, обнищание. Если есть великолепные, богатые классические произведения, апробированные веками, то отказываться от них в пользу примитивных попсовых «фитюлек» - вряд ли есть хорошо. Во-вторых, в церкви всё должно быть освящённым. Освящённым - «קדוש» [kadosh] - в Библейском смысле этого слова - отделенным для Бога, выделенным и уда-

ленным от мира сего. Одно дело, когда музыка написана специально для богослужения, а другое дело, когда в том же протестантском доме молитвы - как запоют, в тебе всё подымается, и возникает труднопреодолимое желание пригласить сестру во Христе на танец. Музыка – она ведь ассоциативна. Услышишь, бывало, старый хит и вспоминаешь походжения своей юности.

Представьте, если бы наш Владыка пришел в храм на богослужение в футболке и потертых рваных джинсах. А почему бы и нет – что, благодать ушла бы? Нет, конечно. Теоретически можно и в трусах совершать литургию. В годы гонений в тюрьмах мученики совершали богослужения – в чём были, вместо вина для причастия использовали всё, что было доступно. А в экстренных условиях, когда человека срочно нужно было окрестить, а не было воды, крестили песком. Но согласитесь, что разница всё же есть - как священник или епископ одет – в шорты или в греческую рясу. Нам не всё равно, как выглядит храм, какое в нём убранство. Потому, что форма может помогать, а может и мешать.

О. Иоанн. «Помню, в 72 году нашего Владыку перевели из Свято-Духовского собора в село Ивановского района Фрунзе (Агайманы). Село довольно глухое. Внешний вид храма напоминал свинарник. Прихожан было поначалу человек 10, из них четверо стояли на клиросе. Помню своё состояние глубокого шока, когда я услышал первые «Аминь» и «Господи помилуй» в исполнении тамошнего квартета. Словами это передать невозможно. Во-первых, каждый из певцов пел на свой собственный мотив. Во-вторых, звуки, которые они издавали, не имели точно фиксированной высоты. Хаотически звучащие аккорды представляли сплошной диссонанс, выносить который было гораздо тягостнее, чем слышать скрежетание ножа о кастрюлю. Я тяжело страдал, и тогда еще – это мне 12 лет было – я задался вопросом: если в какой-то глухой деревне невозможно создать более-менее приличный хор, то почему бы не использовать фонограмму? Я понимаю, что «фонера» – это всегда ущербно, но из двух зол – я просто убежден - что лучше бы магнитофон включить с приличным пением, чем слушать агайманские душераздирающие вопли».

Опять-таки, дело не в том, что благодать уходит из-за плохого пения. Литургия – настоящая, Таинство Евхаристии – действительное, но форма музыкального выражения – неадекватна.

В Римско-католической церкви принято служить Амвросианскую мессу. Это очень древняя литургия, и никто не сомневается в её благодатности. Но если Вы возьмете текст Амвросианской литургии и сравните её с нашей литургией Иоанна Златоуста, и, тем более, с литургией Василия Великого, то убедитесь в сравнительной бедности её содержания. Да – всё там есть – полноценная анафора со всеми составляющими – интерцессии, префацию, анамнезис, эпиклезис. Но у Иоанна Златоуста – язык золотой, ширина и глубина мысли и чувств, а у Амвросия – так себе, в принципе, неплохо.

Ну и, соответственно, от формы зависит степень воздействия на сердца молящихся. Одно дело, когда Владыка читает молитву Иоанна Златоуста перед причастием: «Верую, Господи и исповедую, яко ты воистину Христос – Сын Бога Живаго, пришедый спасти грешных, от них же первый есмь аз...» И другое дело, когда протестантский пастор экспромтом произносит благодарение: «Спасибо тебе, Господь, за сестру Веру...». Кстати, это тоже должно быть в Церкви – молитва экспромтом. У нас в православии другая крайность. Бывает так, что человек приходит в храм и просит священника помолиться за то, чтобы Бог помог квартиру продать или благословил найти хорошую работу, и священник мучается – какую же молитву вставить в молебен? Ну, вот не написали святые отцы, нет в требнике или книге молебных пений такой молит-

вы – о продаже автомобиля или приобретении холодильника. Для протестантов - проблем вообще никаких. Он закрывает глаза и начнет: «Господи, помоги человеку купить стиральную машину...», и всё. А православный - либо страдать будет, либо один и тот же общий молебен на все случаи жизни заладит. На самом деле – хорошо, когда есть и одно, и другое – и уставные святоотеческие классические молитвы, и свободный экспромт. А ежели нет того или другого, то обойтись, конечно, можно, но скудость форм всегда - в ущерб содержанию.

Говоря о богатстве православной Богослужбной культуры, нужно сказать, что она могла быть еще богаче. Мы многое потеряли. Примеров – сколько угодно.

Возьмите, например, старый требник Петра Могилы, и сравните его с нашим современным. Множество молитв и чинопоследований, каким-то странным образом исчезли, и никто не знает – почему. Всего за каких-то четыреста лет столько всего растеряли!

О.Иоанн: «Говорят, что был ещё такой требник преподобного Иосифа, игумена Волоцкого, жившего с 1440-го по 1515 гг., который несравненно еще полнее и богаче, чем Могилянский. Правда, лично я его не видел, и о существовании этого требника уже мало кто знает».

Такой вот процесс тоже происходит в нашей Церкви – оскудение религиозной культуры – благо еще, что запас большой.

Или вот другой пример - Божественные Литургии. Древняя христианская Церковь знала более тысячи разновидностей Литургий. Вдумайтесь - более 1000! А на сегодняшний день мы знаем всего лишь две литургии - Иоанна Златоустаго и Василия Великого. Ну, Григория Двоеслова и Иакова – не в счёт. Конечно, это две самые лучшие, но неужели тысячу остальных литургий не достойны нашего молитвенного внимания?

Почему так происходит? По разным причинам. Избалованы мы слишком богатым культурным наследием. Но главное – это потеря творческого духа.

Дело в том, что за последние лет 400 – мало что **нового** составлено. Акафисты разве некоторые в форме панегириков, а так – ничего серьезного. Ну, вот акафист «Слава Богу за всё» - это действительно шедевр!

А есть такая закономерность: если люди перестают созидать новое, то со временем они начинают терять и то, что имели. Помните слова Христа: «Кто не собирает со Мною, тот расточает» (Мф. 12, 30)? Да, мы должны собирать **со Христом**, но как здорово сказано: кто не собирает, тот расточает. На самом деле, оно так и есть – непополняемые **знания** из памяти стираются, например. Спортсмен, не упражняющийся, теряет **спортивную** форму и т.д.

Поэтому Церковь должна, во-первых, **хранить** христианскую культуру двух тысячелетий, но, с другой стороны, в Церкви должно еще создаваться что-то **новое**. Потому что богатство форм служит **содержанию**, облегчая проникновение нашего молитвенного взора в суть. Иная молитва, составленная полторы тысячи лет назад, может буквально прошибать наши, подчас окаменелые сердца.

Но должны быть и новые молитвы, новые чинопоследования, новые богослужения. Потому, что духовного богатства не бывает слишком много, и творчество в Церкви – это признак её здоровой жизни.

Поэтому, усвоим главную мысль. Да, форма - не главное. Важно - содержание. Но форма может быть либо совершенной, либо примитивной. А примитивная форма, как бы не оказалась стеной, заслоняющей нас от сути.

И чем больший выбор форм, чем совершеннее религиозные формы, тем глубже мы можем проникать в содержание, а, следовательно, внутренний взор наш - возноситься выше к Богу.

*Предыдущие №№ «Седмицы» на сайте: <http://pravoslav.tv>
Листочек передайте, кому сочтете нужным.*